МИР ФАНТАСТИКИ

ДЖЕЙМС БОЛЛАРД

ЗАТОНУВШИЙ МИР

Тысяча грез Стеллависты (перевод Д. Литинского)

Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Боллард. Тысяча грез Стеллависты

Аннотация

Говард и Фэй Талботы покупают себе дом на улице Стеллависта в Пурпурных Песках. Но этот дом не простой — он построен в период расцвета психотропной архитектуры и "помнит" эмоции и характеры прежних обитателей.

Джеймс Боллард
Тысяча грез Стеллависты

ТЫСЯЧА ГРЕЗ СТЕЛЛАВИСТЫ

перевод Д. Литинского

Увы, в наше время никто больше не отдыхает

в Пурпурных Песках, да, впрочем, может быть, никого уже и не осталось, кто бы еще помнил или хотя бы слышал о них. Но с десяток лет назад, когда мы с Фэй, в ту пору еще образцовые супруги, приехали сюда, чтобы приобрести дом 99 по улице Стеллависта, Пурпурные Пески считались самым фешенебельным курортом.

В те давние времена расцвета и благополучия они были излюбленным местом отдыха и развлечений толстых киномагнатов, придурковатых дочек миллионеров и экстравагантных вояжеров-космополитов.

Хотя уже и тогда, еще до того как этот праздник жизни был сметен экономическим кризисом, большинство экзотических вилл и дворцов в Пурпурных Песках пустовало, сады заросли, бассейны высохли, а сам городок превратился в запущенный второсортный парк. И все-таки воздух городка был манящ и таинствен, как будто знаменитости только что покинули курорт и вот-вот вернутся сюда.

Я отлично помню нашу первую поездку по улице Стеллависта в сопровождении агента по продаже недвижимости.

Каких усилий стоило нам с Фэй сдержать возглас восторга!

Почти священный трепет охватывал нас, когда мы узнавали имена бывших обитателей того или иного особняка. Думаю, что Стамерс, наш молодой агент, хохотал в душе, глядя на двух провинциальных простофиль.

Почему-то с особой тщательностью он расхваливал самые странные и угрожающе нелепые здания. Очевидно, в этом заключался его профессиональный прием — ошеломить и взвинтить клиента, так чтобы тот с чувством облегчения согласился приобрести что угодно, хотя бы отдаленно напоминающее нормальное человеческое жилье.

Один из особняков на перекрестке улиц Главной и Стеллависта пленил бы самого изощренного поклонника сюрреализма. Отделенный от улицы густыми зарослями рододендронов, он состоял из шести блестящих алюминиевых шаров разного размера, свободно расположенных на бетонной площадке. Рекламный проспект сообщал, что самый крупный шар — это гостиная, а остальные — соответственно спальня, кухня и разные подсобные помещения.

В шарах были прорезаны отверстия, похожие на окна. Все это странное сооружение, тронутое ветром и солнцем, напоминало брошенный кем-

то космический корабль.

Мы остались сидеть в машине, а Самерс направился к дому, бросив нам на ходу, что все дома в Пурпурных Песках психотропные. Вскоре мы услышали ровный гул, и шары медленно двинулись по кругу сверху вниз, почти касаясь земли.

Фэй испуганно наблюдала за этим непривычным и завораживающим зрелищем, а я, не в силах преодолеть любопытство, вышел из машины и приблизился к дому. Главный шар, совсем как живое существо, почувствовав рядом присутствие человека, остановился и, мне показалось, прислушался. За ним приостановились и другие. Из проспекта я знал, что дом возведен совсем недавно — лет восемь назад — одним телевизионным магнатом, проводившим в нем уикэнды. С той поры дом ежегодно менял хозяев. Сначала им владели две малоизвестные киноактрисы, затем весьма известный врач-психиатр, после — композитор — сочинитель ультразвуковой музыки.

Рассказывают, что покойный Дмитрий Шэкман, страдавший редким душевным заболеванием, однажды созвал в этот дом множество гостей понаблюдать за своим самоубийством. Никто из приглашенных не пришел. Это так разозлило хозяина, что он решил еще пожить. Последним

владельцем дома был известный автомобильный дизайнер.

Казалось, при столь богатой родословной дом не будет пустовать более недели. Но он оставался без владельца уже не один год, видимо, его прошлые обитатели не нашли здесь ни мира, ни покоя.

Между тем главный шар замер в нескольких метрах от меня, и в открытую дверь выглянул Стамерс. Несмотря на его обнадеживающую улыбку, мне было не по себе, я явственно ощущал, что дом насторожен. Едва я ступил на спущенную мне лестницу, как она мгновенно втянула меня внутрь. Шар глухо задрожал, вслед за ним завибрировали остальные шары.

Всегда интересно наблюдать реакцию психотропного дома на появление нового человека, в особенности настороженного или встревоженного. Она может быть самой непредсказуемой — от первого холодка до прямой враждебности. Так бывает, если прежние хозяева в свое время испытали здесь шок, ну, например, в результате вторжения налогового инспектора или квартирного вора. Правда, воры стараются не наносить визиты в психотропные дома — кому охота стать жертвой переворачивающихся балконов

или сходящихся коридоров. Первая реакция психотропного дома рассказывает о нем куда больше, чем подробная справка агента о модуле эластичности стен или мощности контрольного устройства в лошадиных силах.

Как бы то ни было, но с первой же минуты я чувствовал, что этот дом не хотел общения с нами. Пока я поднимался в гостиную, Стамерс предусмотрительно снижал до минимума напряжение контрольного устройства. Обычно делают наоборот, когда хотят показать покупателям всю полноту психотропных свойств дома. Наш же агент монотонно и без энтузиазма объяснял:

— Проводка устарела. Заменим за счет фирмы. Оговорим это в контракте. Некоторые из последних владельцев работали в шоу-бизнесе, и у них было свое представление о том, как жить на всю катушку.

Я кивнул и поднялся на балкон, опоясывающий гостиную. Это была красивая комната с белыми стенами из пластика и светящимся потолком. Но при моем появлении потолок завибрировал и поднялся, стены посинели, стали видны темные узлы и утолщения. Я догадался, что когда-то комната перенесла серьезную травму, след от которой так и не зарос. Скорее всего здесь произо-

шла какая-то трагедия — состояние комнаты я мог бы определить как «ужас», она встретила нас в штыки, как врача.

Появившийся Стамерс легко коснулся моей руки.

— Какова чувствительность, а, мистер Талбот?

Он дотронулся ладонью до стены у себя за спиной. Стена стала легко изгибаться, как паста, выжатая из тюбика, пока не превратилась в некое подобие сиденья. Стамерс присел на него и несколькими движениями образовал подлокотники и спинку.

— Вот вам кресло, мистер Талбот, будьте как дома.

Сиденье мягко обняло меня, как большая нежная ладонь, и сразу же движения потолка и стен прекратились. Видимо, Стамерсу нужно было поскорее усадить клиента, чтобы тот своими беспорядочными блужданиями не тревожил дом.

Кто-то уже метался по этой комнате, нервно заламывая руки, и она этого не забыла.

— Вся мебель встроенная, — расхваливал дом Стамерс. — Виниловые соединения в пластике подобраны молекула к молекуле.

Я ощутил, как комната опять завертелась вокруг меня, потолок вздрогнул и запульсировал в

ритм дыханию. Это пугало, особенно когда размеренный ритм вдруг прерывался, как биение больного сердца.

Я понял, что дом не просто испуган, он болен. Кто-то, может быть тот же Шэкман, в приступе безумия сотворил здесь над собой что-то чудовищное. Я уже собрался спросить Стамерса, не в этой ли комнате планировал бывший хозяин свое публичное самоубийство, но вдруг увидел, что агент напрягся в своем кресле и тревожно осматривается вокруг.

В тот же момент я почувствовал головную боль и звон в ушах. Видимо, атмосферное давление в комнате резко менялось. По полу стремительно понесся к выходу подхваченный воздухом шуршащий сухой песок.

Стамерс вскочил, и кресло тут же скрылось в стене.

— Ну-ка, мистер Талбот, пройдемся по саду. Сразу почувствуете… — Он замолчал, лицо его выражало удивление и тревогу.

Тут я увидел, что потолок опустился совсем низко. Он стал похож на огромный пульсирующий волдырь.

— …нормализацию давления, — механически закончил фразу Стамерс и, схватив меня за руку,

бросился к выходу.

— Ничего не понимаю, — бормотал он, когда мы неслись по коридору, подстегиваемые свистящей струей воздуха.

Я понял, что произошло, когда увидел у входа Фэй. Всматриваясь в полумрак ниши контрольного устройства, она наугад нажимала все кнопки подряд.

Стамерс, не задерживаясь, промчался мимо. Через минуту мы с Фэй были рывком втянуты в гостиную сильным потоком выжатого из дома воздуха. Потолок снова стал подниматься, очевидно, Стамерс уже успел добежать до аварийного щита и отключить питание.

Он судорожно пытался застегнуть ворот сорочки. Глаза его были круглыми от недавно пережитого ужаса.

— Буквально на ниточке, миссис Талбот, на тонком волоске… — трясущимся голосом сказал он и нервно рассмеялся.

Он успокоился только тогда, когда мы покинули двор, и, направляясь к машине, он вновь был агентом по продаже недвижимости, рекламирующим свой товар.

— Отличная собственность, мистер Талбот, отличная. Дому всего восемь лет, а какая родо-

словная! Обратили внимание? Удачный шанс начать новую жизнь, можно выразиться, в ином измерении…

Я усмехнулся и покачал головой.

— Возможно, и так, но мы все-таки поищем другой шанс.

Вообще-то мы с Фэй решили прожить в этом городке пару лет. Я подумывал, что неплохо бы открыть адвокатскую контору в городе Ред Бич, в двадцати милях отсюда. Идея купить дом в Пурпурных Песках была связана не только с тем, что Ред Бич был примечателен лишь смогом, пылью и высокими ценами на недвижимость. В мои планы входило расширить свою клиентуру за счет обитателей Пурпурных Песков, всяких стареющих кинозвезд и безработных импресарио. Известно, что это величайшие в мире сутяжники. Поселившись в их среде, я смог бы со временем получить приглашение на ужин или на партию в бридж. А за столом можно было бы легко, тактично и как бы невзначай завязать беседу об удачных процессах по пересмотру завещания или об улаживании спорных контрактов.

Однако, переезжая от дома к дому, мы все меньше надеялись, что сможем найти что-нибудь подходящее для себя в этом месте. Вот мы ми-

новали ассирийский зиккурат (последний его хозяин мучился пляской святого Витта, и бедный дом до сих пор содрогался в конвульсиях, как Пизанская башня под током высокого напряжения). А вот переоборудованный под жилье ангар для подводных лодок, его владелец, говорят, был алкоголиком. Стены его дома, сырые и мрачные, были как будто пропитаны одиночеством и горечью их хозяина.

Наконец, мистер Стамерс, поняв, что обмануть нас ему не удастся, покорился и решил возвратиться на реальную почву. Но и так называемые «нормальные» дома были не многим лучше «психотронных». Все дело в том, что почти каждый дом в Пурпурных Песках был продуктом примитивной экзотики периода расцвета психотропной архитектуры. Чудесные возможности новых биопластиковых материалов толкали архитекторов на безумные эксперименты. Увлечение новой модой эксплуатировалось так безудержно, что многие здания из сенсорных материалов оказались чрезмерно чуткими и восприимчивыми к образу жизни и эмоциям своих жителей. Вселиться в такой дом было все равно, что заглянуть без спроса в чужую душу и мысли и остаться там жить.

На что при этом может рассчитывать новый хозяин такого жилища? Первый наш опыт оказался печальным и поучительным, но мы решили не отказываться от своей затеи. Ведь зачем-то мы приехали сюда?! И если есть дома грустные и больные, то почему бы не быть таким, которые сохранили радость, веселье и смех своих прежних жильцов.

Именно о таком доме мечтали мы с Фэй. Вот уже год, как что-то надломилось в наших отношениях, что-то утрачивалось, терялось безвозвратно. Дом с нормальным ровным характером, положительными рефлексами, усвоенными от какого-нибудь удачливого банкира средней руки и его любящей, внимательной супруги, мог бы помочь нам с Фэй.

Однако, досконально изучив проспект, я понял, что именно такие дома в Пурпурных Песках большая редкость. Предлагались виллы сварливых мизантропов и телевизионных боссов, прославившихся многократными разводами. Как ни странно, встречались дома, о которых не было никакой информации, кроме адреса.

Среди таких был и дом 99 по улице Стеллависта. Безуспешно я искал в проспекте хоть какие-нибудь сведения о нем, пока мы приближались к

нему по дорожке сада. Ничего, кроме фамилии владельца. Им оказалась некая мисс Эмма Слэк. О ее характере, привычках, психологии не было сказано ни слова.

Уже с первого взгляда становилось ясно, что дом строился для женщины. Это был цветок орхидеи, лежащей на низком цементном основании посреди лужайки. В одном из белых лепестков помещалась гостиная, в другом — спальня хозяйки. Лепестки, широкие и свободные, как крылья, раскинулись над рощей из магнолий и простирались до самых ворот. Между ними на первом этаже находилась терраса. Она полукругом обвивала маленький подвесной бассейн в форме сердца и поднималась в сердцевину дома-цветка, где высилось трехэтажное здание. Здесь размещались комнаты для прислуги и двухэтажная кухня.

Казалось, что дом хорошо сохранился. Пока Стамерс подгонял машину, я внимательно рассмотрел лепестки потолка. Пластик был без единой трещины, тонкие прожилки, сходившиеся к центру, напоминали рисунок листка.

Я видел, что Стамерс не торопится включать дом. Широкими жестами руки он пытался привлечь наше внимание к различным примечательностям интерьера, пока мы медленно

поднимались по стеклянным ступеням веранды. Он не торопился найти нишу с контрольным устройством. Я даже решил, что дом законсервирован, как делают со многими психотропными строениями. Это отнюдь не превращает их в непригодные для жилья, а, напротив, делает проживание в них более спокойным.

— Приятный дом, — сказал я, когда Стамерс показал мне бассейн в виде сердца. Сквозь стеклянное дно машина Стамерса казалась цветным китом, дремавшим на дне океана.

— Да, приятный, — повторил я. — Может быть, включим его?

Стамерс обогнул меня и прошел в кухню.

— Конечно, миссис Талбот первым делом нужно ознакомиться с кухней. Не спешите, освойтесь с домом.

Кухня и в самом деле была изумительна. Целиком автоматизированная, со встроенной мебелью и кухонными агрегатами всех образцов. Окончив работу, эти механизмы сами собой скрывались в специальных нишах и стенных шкафах. Это было чудом изобретательства, при котором мне понадобится не менее двух дней, чтобы освоить такой кулинарный изыск, как приготовление яиц всмятку.

Фэй как завороженная блуждала по кухне, любовно глядя на блестящие предметы.

— Ну что же, пенициллиновое производство здесь вполне можно наладить, — усмехнулся я, показав пальцем на проспект. — Почему же дом продается так дешево? Ведь двадцать пять тысяч — это почти что даром?!

В глазах Стамерса вспыхнул хищный огонек. Он улыбнулся мне с видом заговорщика, как бы желая сказать: «Вот она, твоя звездная минута, твой козырный туз», и повел меня в комнату для отдыха и игр, затем в библиотеку. Не умолкая, он превозносил все: и достоинства дома, и безупречную тридцатипятилетнюю деятельность своей фирмы, и очаровательный по своей законченности садик под окнами (одиночные посадки каких-то вечнозеленых растений).

Наконец, решив, что я уже достаточно ошеломлен, он включил дом. Что-то произошло внутри меня, необъяснимое и яркое, как вспышка, — я понял почему-то, что Эмма Слэк была совершенно незаурядной женщиной.

Медленно двигаясь по пустой гостиной, я чувствовал, как стены отступают, двери становятся шире и странные звуки, похожие на дальнее тихое эхо, медленно заполняют дом. При этом

пространство дома наполнилось какой-то тревогой; будто таинственный невидимка, стоя у меня за спиной, старался заглянуть мне в глаза. Каждая из комнат, в которую я входил, чутко реагировала на мое появление, я ощущал чьи-то долго подавляемые эмоции, которые в любую минуту могли взорваться и найти выход. Наклонив голову к плечу, я вслушивался, и до меня доносился нежный женский шепот или слабый шорох одежды, как будто в комнате была невидимая мне женщина. Мне даже показалось, что в углу мелькнула тень. Каждое мгновение все неуловимо менялось, неизменным оставалось лишь ощущение таинственной тревоги.

— Говард, ты не чувствуешь, что здесь как-то страшно? — сказала Фэй, испуганно коснувшись моего рукава.

— Зато интересно. Ведь три-четыре дня, и все это исчезнет. Здесь останемся только мы с нашими мыслями и чувствами.

Фэй нервно передернула плечами.

— Я не справлюсь с этим, дорогой. Пусть мистер Стамерс подыщет нам самый обычный дом.

— Но, дорогая, это Пурпурные Пески, а не захолустный пригород. Здесь жили нестандартные личности, яркие индивидуальности.

Я посмотрел на свою Фэй, как будто впервые увидел нежный овал ее лица, детский рот и подбородок, белокурую челку, падающую на испуганные детские глаза, вздернутый носик и внезапно ясно понял, что Фэй как раз и есть обычная домохозяйка из захолустного пригорода, которая знает, что ее намерение поселиться в экзотических Пурпурных Песках — дерзкая, неисполнимая мечта.

Я обнял ее за плечи.

— Что же, девочка, наверное, ты права. Поищем что-нибудь попроще и посъедобнее, где не нужно будет прилагать усилий, чтобы оставаться собою. Пойдем, Стамерс нас ждет.

Как ни странно, наш отказ от дома не удивил Стамерса. Он что-то буркнул под нос и отключил дом.

— Я понимаю, миссис Талбот, — сказал он, спускаясь по лестнице. — Некоторые дома здесь навсегда принадлежат призракам. Не всякий согласится делить жилье с призраком Глории Треймэн. Не такое уж это приятное соседство.

Я резко остановился, как будто споткнулся о ступеньку.

— Глория Треймэн? Но здесь написано, что дом принадлежит Эмми Слэк и никому другому?

— Все правильно. Просто ее настоящее имя Эмми Слэк. Я не хотел вас посвящать в это, хотя в округе об этом знают все. Мы не слишком рекламируем Глорию, когда предлагаем этот дом. Иначе никто в нем и шага не сделает.

— Глории Треймэн? — оживилась Фэй. — Это та кинозвезда, что застрелила мужа. Вроде бы он был знаменитым архитектором. Да ведь ты же сам участвовал в ее защите на том процессе! Помнишь?

Пока оживившаяся Фэй осыпала агента градом вопросов, я оглянулся, поглядел на залитую солнцем лестницу в гостиную и вспомнил то, что было десять лет назад: сенсационный процесс, бурный его ход, а затем приговор, который как бы подвел черту и поставил точку в жизни целого золотого поколения — поколения бесчувственных и безответственных детей эпохи процветания, беспечных баловней судьбы.

Хотя присяжные вынесли оправдательный вердикт, все знали, что Глория Треймэн расчетливо и хладнокровно убила своего мужа, архитектора Майльса ван ден Стара, фактически пристрелила его, когда он спал в своей постели. Только талант и ораторское искусство адвоката Даниэля Хаммета спасло ее от возмездия. Я — тогда начи-

нающий адвокат — был помощником Хаммета на процессе.

— Да, помню, я участвовал в защите. Сколько же времени утекло, — быстро сказал я Фэй нарочито-безразличным тоном. — Подожди меня в машине, детка, пока я кое-что уточню.

И, прежде чем она успела возразить, я влетел по лестнице на веранду и захлопнул за собой стеклянную дверь. Мертвые белые стены, плотным кольцом окружавшие бассейн, устремились в небо. Вода в бассейне замерла, как будто в ней навсегда утонуло время. Через ее темную толщу я видел внизу у машины ожидающих меня Стамерса и Фэй. Они показались мне в тот момент похожими на кинокадр из моего будущего, это было странно, и я произнес в никуда, вверх, к кому-то невидимому: «Прокрутите пленку, пожалуйста, смените кадр»!

* * *

…Все три недели, пока шел процесс, я, сидя за адвокатским столом, находился совсем рядом с подсудимой. Как и всем присутствовавшим в зале, мне врезалось в память ее лицо, похожее на маску, и пристальный взгляд, обращенный на свидетелей — ее шофера, полицейского врача,

соседей, прибежавших на выстрел. Глаза ее не выражали ни эмоций, ни даже элементарной реакции на происходящее. Она была похожа на загадочного экзотического паука, которого пытаются разоблачить его жертвы. Нить за нитью вилась паутина, в центре которой находилась она, а Глория оставалась бесстрастной и равнодушной, предоставив адвокату самому находить выход из положения.

Она продолжала играть свою роль, роль Снежной Королевы, образ которой вот уже пятнадцать лет не сходил с экранов и принес ей всемирную славу.

Только это равнодушие и невозмутимость спасли ее в конце концов, выбив из колеи и обескуражив присяжных. Я же к тому времени уже давно перестал следить за судебным разбирательством. Конечно, я помогал Хаммету находить нужные справки и документы, но в основном просто открывал или громко захлопывал крышку его красного дипломата (он находил это прекрасным средством переключить в нужный момент внимание присяжных). Сам же я не отрывал глаз от лица Глории Треймэн, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь человеческий недостаток в этой безупречной маске, понять, кто же она такая.

Конечно, тогда я был всего лишь обыкновенным мальчишкой и, как многие мои сверстники, был пленен мифом, созданным кинорекламой. Но я был уверен в своей великой любви «до гроба», и оправдательный приговор суда присяжных восстановил для меня вращение Земли.

Решение суда было явным издевательством над правосудием, но, как ни странно, адвокат Хаммет был убежден в невиновности обвиняемой. Как и многие удачливые адвокаты, он с начала своей карьеры придерживался принципа: правосудие должно обрушиваться на виноватых и оберегать невиновных. Держась этой аксиомы, он успешно провел множество дел и приобрел славу выдающегося адвоката, не знающего поражений.

* * *

Внизу Стамерс нажал на клаксон. Пора возвращаться. Я медленно обошел комнаты, обводя взглядом пустую спальню, гостиную, зачем-то провел рукой по гладкой поверхности стен. Понадобилось огромное напряжение души, чтобы память вернула мне все, что я помнил о Глории. Какое счастье теперь — ощущать ее присутствие в каждом уголке, каждой клеточке этого дома, сохранившего ее облик и потому ставшего мне

таким близким. Даже призрак ее мужа не сможет быть помехой. Да, той Глории Треймэн, которая была моим кумиром, уже нет в живых, но этот дом хранит ее душу и ее облик.

Все прошло в общем-то спокойно. Фэй сперва пробовала возражать, но обещание купить ей норковую шубку за счет сэкономленных на покупке дома денег оказалось веским аргументом. Дом был куплен. Первое время я из предосторожности держал дом включенным на минимальное напряжение, чтобы избежать неминуемого конфликта двух женских характеров.

Я знал, что главной проблемой жизни в психотропных домах бывает сопротивление образов минувшего в памяти дома. Обычно ее решали, усиливая напряжение электросети, обслуживающей дом: чем выше напряжение, тем быстрее психотропная память освобождается от нежелательных эмоций, оставленных прежними хозяевами, от их привычек, страхов, сомнений. Я же хотел подольше сохранить присутствие Глории и поэтому не спешил. Но всего учесть я не смог. Да это и понятно: дух Глории был загадочен, он околдовывал меня, любое движение воздуха было наполнено ею, и именно поэтому я слишком поздно ощутил, что в доме жив еще чей-то

дух — это был дух Майльса ван ден Стара, мужа Глории. Ее эхо слабело, оно исчезало на глазах, и тут я с жестокой ясностью понял, что мы с Фэй в ловушке и, увы, это было делом моих рук.

Наши обычные мелкие ссоры и конфликты, которые раньше кончались нежным примирением, становились с каждым днем все более злобными и обидными для обоих. Стены гостиной, в которой мы ссорились, долго дрожали и не могли прийти в себя, даже после того, как оба мы вполне успокаивались. Я с беспокойством и тревогой замечал это.

Постепенно мне стало понятно: затаенный, безысходный и мгновенно вспыхивающий гнев стен вызывал мужчина. Нетрудно было понять, что мужчиной этим был сам ван ден Стар. Он прожил в этом доме один лишь год, но оставил неизгладимый след, атмосферу слепой, враждебной всем и всему ненависти.

Постепенно, с божьей помощью, наша жизнь с Фэй стала входить в привычное русло, и тут я заметил, что моя скромная женушка весьма успешно вытеснила из дома сдержанную и бесстрастную Глорию Треймэн. Ее присутствие теперь почти не ощущалось, зато жестокий дух ван ден Стара давал знать о себе все настойчи-

вее.

Я припомнил тот далекий судебный процесс и фотографии Стара, предъявленные обвинением и приобщенные к делу. Вот он, заносчивый и агрессивный, рядом с Ле Корбюзье и Ллойдом Райтом во время одной из встреч, где обсуждаются проекты застройки Чикаго и Токио, маленький тиран с тяжелой челюстью и нездоровым блеском выпуклых глаз, с приметой болезни щитовидной железы. Потом более поздние фотографии, сделанные уже здесь, в Пурпурных Песках, в семидесятые годы. Его вторжение в экзотический и безобидный мирок кинознаменитостей походило на вторжение акулы в аквариум с декоративными рыбками. Одно было несомненно — этот знаменитый архитектор, автор уникальных проектов, обладал сильной и целеустремленной натурой и одновременно необузданным и непредсказуемым нравом.

У нас с Фэй хватало собственных проблем, и появление злобного призрака ван ден Стара только усиливало напряженность наших отношений. Круг замкнулся и это не сулило ничего хорошего. Попытки восстановить дух былой безмятежности были тщетны. Раздражение мое росло, а вместе со мной накалялась грозовая обстановка в доме.

С какого-то момента я уже точно знал, что во мне усиливаются черты характера ван ден Стара, а это в сочетании с моим растущим раздражением и недовольством Фэй начинает вызывать ответную реакцию дома — напряженность и все большую неприязнь.

Лишь потом, оглядываясь назад, я понял, что вел себя в то время по отношению к Фэй точно также, как ван ден Стар по отношению к своей жене. Шаг за шагом, с фатальной обреченностью, мы повторяли их трагический путь. Страшная развязка могла стать неизбежной.

Фэй раньше меня ощутила, что атмосфера в нашем доме изменилась.

— Что случилось с нашими жильцами, Говард? — уколола она меня за обедом. — Призрак равнодушен к тебе? Дух не желает или плоть не может?

— Не знаю! — раздраженно ответил я. — Это тебе нужно сказать «спасибо». Ты хорошо потрудилась, чтобы все испортить.

С надеждой я обвел глазами столовую, мечтая обнаружить хотя бы намек на присутствие Глории, но она не появлялась.

Фэй отлучилась в кухню, а я остался сидеть за столом, тупо глядя в нетронутую тарелку. Вдруг

за моей спиной послышалось едва различимое журчание, серебристая змейка в стене сверкнула и исчезла. Я попытался удержать ее глазами, но не смог.

Это было первое эхо Глории с тех пор, как начались наши ссоры. В спальне горько плакала Фэй. Я поднялся из-за стола, чтобы успокоить ее, и в тот же миг почувствовал, как пространство за моей спиной задрожало. Глория…

Фэй я нашел в ванной. Она еще продолжала всхлипывать, я обнял ее и понял, что тревога, заполнившая дом, была женской, как прямой отклик на волнение и слезы Фэй. И эта тревога не исчезала, ею был пропитан воздух. Я шел по ее следам из одной комнаты в другую, но она затаилась под потолком и не собиралась покидать дом.

Вернувшись в гостиную, я со страхом почувствовал, что дом следит за мной, как разъяренный раненый зверь, готовый в любой момент напасть.

Через два дня на Фэй было совершено покушение. Я, как обычно, возвращался с работы и, ступив на крыльцо, сразу почувствовал, как внутри меня поднимается какая-то нелепая детская обида на Фэй, поставившую свою машину

на мое место в гараже. Я изо всех сил старался отключиться от этих мыслей, но дом уже ощутил что-то неладное и вцепился в него. Он жадно впитывал мое раздражение и, накалив его еще больше, возвращал мне, отравляя атмосферу в холле до такой степени, что стены потемнели и задвигались.

Уже не сдерживаясь, я крикнул Фэй что-то резкое и обидное, она ответила, и в ту же минуту я услышал ее испуганный крик:

— Говард, скорее! Помоги!..

Я бросился в гостиную, но не смог открыть дверь — она перестала слушаться. Дом был серым и каким-то болезненно настороженным, как будто готовым к прыжку.

В гостиной отчаянно кричала Фэй. Я рванул ручку аварийного управления и изо всех сил дернул дверь.

Фэй лежала на диване. Над нею, как серый палач, повис потолок, накрыв собою все ее тело. Прямо над головой Фэй пластик растекся и превратился в зловещий шар.

Приподняв руками плотную серую массу, я с трудом вытащил из-под нее задыхающуюся Фэй. Она прижалась ко мне, как маленькая, и выкрикивала сквозь слезы:

— Говард, этот дом… он сошел с ума! Он собирался прикончить меня!..

— Успокойся, девочка! Ничего страшного не случилось, это самопроизвольная реакция, ее может вызвать любая мелочь, ну не плачь, Фэй!

Я гладил ее по спине совсем как в первые годы нашей семейной жизни и вспоминал, какой нежной и робкой девочкой она была тогда.

Потолок над нашими головами медленно выпрямлялся, стены светлели.

— Говард, я умоляю тебя, давай уедем отсюда, сейчас же. Мы будем жить в обычном нормальном доме. Я понимаю, тебе это скучно, но я боюсь, Говард! Я не могу здесь жить! Уедем!

— Фэй, пойми меня, обыкновенные дома не просто скучны, они мертвы. Приди в себя, дорогая, все прошло, все будет отлично, ты скоро привыкнешь…

Я почувствовал, как Фэй отпрянула от меня.

— Я не буду здесь жить, Говард, не буду ни за что! Ты вечно занят, ты переменился ко мне… — И она снова зарыдала, показывая на потолок и восклицая сквозь слезы: — Если бы я не упала на диван, он убил бы меня, убил, неужели ты не понимаешь?!

Я понимал ее и даже внутренне был согласен с

ней, но в этот момент взгляд мой упал на смятое покрывало на диване.

— Черт побери, Фэй, да это же отпечатки твоих каблуков. — Я уже не мог побороть вспыхнувшее раздражение. — Я же просил тебя не валяться в обуви на диване! Это не пляж! Ты же знаешь, как мне это неприятно.

Стены гостиной задвигались, покрываясь темными пятнами. Боже, этому не будет конца!

Почему Фэй вызывает у меня в последнее время такое раздражение? Может быть, я подспудно терзаюсь своей виной перед нею? Или же я просто слепое орудие нервозности и злобы, накопленных стенами этого дома за то время, пока Глория Треймэн и ван ден Стар делили здесь кров?

И теперь все эта ненависть выплеснулась на нас, на ни в чем неповинную и не такую уж неудачную супружескую пару, дерзнувшую поселиться в проклятом доме 99 по улице Стеллависта. Ну что же, я достаточно легко нашел себе оправдание. К тому же, уговаривал я себя, мое увлечение Глорией Треймэн всегда было лишь платоническим, это не та роковая страсть, от которой теряют голову.

Однако Фэй не стала меня слушать. Она не захотела ждать дальнейшего развития событий, и

через два дня, вернувшись из конторы, я нашел в кухне магнитофонную записку от Фэй. Она сообщала, что больше не может терпеть ни этот дом, ни мое отношение к ней и переезжает к сестре в восточные штаты.

Если быть откровенным, то первое, что я ощутил, прочитав послание Фэй, было облегчение, почти радость, пришедшую на смену привычному раздражению.

Я видел вину Фэй в том, что дух Глории покинул дом, освободив простор для ван ден Стара, и верил, что теперь Глория возвратится и моя юношеская влюбленность оживет.

Ну что ж, мои надежды сбылись и мне не на кого было пенять — Глория действительно возвратилась, но это была совсем иная Глория Треймэн. Если бы я знал ее такой, то не только отказался бы от защиты, но и вообще держался бы подальше и от нее и от ее дома.

Прошло всего несколько дней, и я почувствовал, что дом стал меня игнорировать. Часто, возвращаясь вечером домой, я натыкался на призраки ван ден Стара и Глории Треймэн. Черная, мрачная тень архитектора угрожающе наступала на легко ускользающий призрак актрисы. Эта дуэль была почти зримой — стены в гостиной

чернели от приступов злобы, темнота зловеще окружала отблеск слабого света, который искал укрытие то в нише, то в алькове. Но в конце концов Глория всегда первой прекращала борьбу и спасалась бегством, оставляя в комнатах корчащиеся и шипящие от ненависти стены.

Фэй оставила после себя дух протеста и сопротивления, и Глория попробовала испытать этот новый для нее путь. Наблюдая, как она осваивалась в этой роли, я боялся упустить мельчайшую подробность, и поэтому включил дом на всю мощность, даже не думая о том, как это отразится на нем.

Как-то раз ко мне заехал Стамерс для обычной проверки исправности механизмов. Момент был не из самых удачных: дом бился в эпилептическом припадке и все время менял цвет. Я сухо поблагодарил за внимание и поспешил отделаться от него. Позднее он рассказывал, как бесцеремонно я захлопнул перед ним дверь и вообще в ту минуту я был похож на маньяка. Как сумасшедший, метался я по темным комнатам обезумевшего дома, и все это напоминало сцены ужасов из трагедий времен королевы Елизаветы. Незаурядный интеллект Майльса ван ден Стара, мощь его личности подавляли меня. Я все больше

убеждался, что он стремится довести Глорию Треймэн до безумия. Зачем ему это было нужно? Быть может, он завидовал ее громкой славе, а может быть, она просто изменяла ему. В конце концов это было уже неважно — просто однажды Глория, не вынеся травли, выстрелила в него. Это был акт самозащиты.

Через два месяца Фэй потребовала развода. Единственное, о чем я просил ее, — не давать публикацию в газете, это могло серьезно подорвать репутацию моей адвокатской конторы. Но Фэй была неумолима. Особенно разозлил меня ее радостный голос. На все мои просьбы не спешить с разводом, она отвечала категорическим отказом и сообщила, что снова собирается замуж. Назвать имя своего будущего мужа она тоже отказалась. Это было уже слишком.

Дойдя до последней точки, я швырнул трубку на рычаг. Работать в таком состоянии я уже не мог и, обойдя несколько окрестных баров, решил вернуться домой. Возвращение мое напоминало прорыв вражеских коммуникаций. Цветы в саду были раздавлены, стена гаража разнесена вдребезги.

Плюс ко всему входная дверь не подчинялась моим приказам, поэтому мне пришлось войти

через стеклянные двери террасы. Карабкаясь по темной лестнице, я методично срывал с себя одежду, сначала шляпу, затем пальто, которое тут же через окно швырнул в бассейн. Когда я, наконец, ввалился в гостиную, было уже около двух часов ночи. Я налил себе полный стакан виски и на сон грядущий включил стереограф с уместной сейчас вагнеровской «Гибелью богов».

По пути в спальню я нарочно заглянул в комнату Фэй — хотелось проверить, насколько сильна моя память о ней, и попытаться избавиться от этого наваждения. Я изо всей силы ударил ногой платяной шкаф, сбросил на пол матрас и при этом осыпал свою бывшую жену всевозможными ругательствами.

Было уже около трех часов ночи, когда я, натешившись всласть, добрался до своей спальни и, напоследок залив простыни виски, не раздеваясь, рухнул на постель. Я сразу заснул, хотя дом крутился вокруг меня, как настоящая карусель.

Было, наверное, часа четыре утра, когда меня разбудила странная тишина в моей спальне. Я лежал поперек кровати с пустым стаканом в одной руке и потухшей сигаретой в другой. Стены спальни были немы и неподвижны. Каким-то шестым чувством я ощутил, как что-то измени-

лось в привычных очертаниях моей спальни. Не спуская взгляда с серой выпуклости на потолке, я в то же время прислушивался к звукам на улице. Чувство не обмануло меня: стена, смыкавшаяся с коридором, отодвинулась назад, дверной проем расширился, будто пропуская кого-то.

Я внимательно осмотрелся — в комнате никого не было, но стены ее распахнулись, словно освобождая пространство кому-то невидимому, а потолок выгнулся круглым куполом. Ошеломленный и испуганный, я беспомощно следил, как в углу комнаты возникла незримая стена воздуха, как она двинулась ко мне, к моей кровати, все ближе и ближе, и как ее тени начинали переливаться на потолке.

Она была уже у подножия кровати. Я чувствовал ее колебания, она как будто сомневалась, двигаться ли дальше или остановиться совсем, и вдруг начала нервно дрожать и вибрировать, точно терзаемая тревогой и сомнениями.

Внезапно комната затихла, но как только я попытался приподняться, опираясь на локоть, ее словно охватили конвульсии; закачались, изгибаясь, стены, а кровать оторвалась от пола. Весь дом трясся в приступе буйной лихорадки.

Обезумевшая спальня то расширялась, то

сужалась какими-то судорожными толчками, похожими на биение смертельно простреленного сердца. Потолок то взлетал, то падал назад, а пол готов был провалиться.

Я с трудом цеплялся за танцующую кровать. Столь же внезапно, как начались, судороги прекратились, стены заняли свои прежние места. Я опустил ноги на пол и попробовал подняться, ожидая, что еще может выкинуть этот обезумевший дом, и тут моя голова сильно стукнулась о низко опустившийся потолок.

В комнате стоял предрассветный полумрак, слабый лунный свет, проникавший через три овальных вентиляционных отверстия, бросал белые пятна на пол за кроватью. Стены спальни снова заплясали.

Я уперся руками в потолок и ощутил его растущую тяжесть. Углы комнаты вращались, сливаясь со стенами, и комната стала принимать форму шара. Давление воздуха нарастало с каждой минутой. Задыхаясь, я пытался добраться до вентиляционных решеток и уцепиться за них. Но края сужались, стискивая кисти моих рук.

Сжатый воздух со свистом рвался наружу, и я из последних сил прижимался к решеткам лицом, стараясь поймать хоть один глоток холодного ночного воздуха, а руками судорожно раздвигал неподатливый пластик, не давая отверстиям в стене захлопнуться окончательно. Я вспомнил, что аварийный выключатель находится где-то за

дверью в дальней комнате. Сгруппировавшись как пловец, я перебросил свое тело через кровать и достиг двери, но выключатель уже исчез под массой пластика.

Я рванул душивший меня галстук. Ловушка захлопнулась, я погибал в этой комнате, воспроизводящей предсмертные конвульсии ван ден Стара, когда пуля Глории пробила его грудь. Судорожно искал я в карманах перочинный нож, но рука наткнулась на зажигалку.

Слабый ее огонек осветил серый шар, в который превратилась моя спальня. Диаметр его составлял всего несколько шагов, стены были в толстых вздутых венах. На моих глазах они в щепки разнесли деревянный остов кровати.

Мой мозг судорожно искал выход. Спасение оказалось у меня в руке. Я поднес зажигалку к опустившемуся потолку, и огонек лизнул серую массу. Она сразу пошла пузырями, стала плавиться и вдруг вспыхнула, разорвалась, открыв щель, напоминавшую огромные, дышащие огнем губы.

Когда шар комнаты, наконец, лопнул, обнажились кривая часть коридора и оплывающий потолок столовой. Скользя по расплавленному пластику, весь обожженный, я выбрался из

спальни.

Я смотрел, как на моих глазах рушился дом, прогибались стены, вставали на дыбы полы, лопались и рассыпались стекла веранды, оставляя острые осколки, торчащие из рам, как кривые кинжалы.

Я бросился в спальню Фэй, вспомнив, что именно там помещался второй аварийный выключатель, нашел его, рванул на себя и одновременно включил кнопку противопожарного устройства.

Какое-то время дом еще дрожал, но постепенно замер и как будто окаменел. Я оперся на искореженную стенку и повернул обожженное лицо к струям воды, хлеставшим из прилежно работавшего противопожарного устройства.

Finita la comedia! Представление окончено!

* * *

Дом стоял, как надломленный цветок с измятыми и разорванными лепестками.

Стоя среди затоптанных газонов, Стамерс смотрел на дом со страхом и недоумением. Было уже семь утра, последние полицейские и пожарные машины уже уехали, когда лейтенант полиции, наконец, сдался.

— Действительно, черт побери, не могу же я

арестовать дом за покушение на убийство? — заявил он, в беспомощности разводя руками.

Это было уже слишком. Нервы мои не выдержали, и я истерически расхохотался.

В глазах Стамерса я прочел любопытство и непонимание.

— Что вы там натворили? — допытывался он шепотом.

— Абсолютно ничего. Повторяю, я спал. И не бойтесь, дом нас не слышит, я отключил его полностью.

Мы шагали по закопченному гравию, через воду, черным зеркалом залившую газон перед домом. Стамерс мрачно качал головой.

Дом в самом деле напоминал сюрреалистический кошмар со смещенными и пересекающимися перспективами.

— Дом сошел с ума, — сказал Стамерс. — Если кто нуждается в психиатре, то только он.

— Вы попали в точку, старина, — согласился я. — Именно этим я и хочу заняться. Воспроизвести первоначальную ситуацию, вызвавшую травматический конфликт. Помочь дому освободиться от тревожных рефлексов, от раздражителей.

— Вы шутите? Этот дом чуть не отправил вас

на тот свет.

— Глупости. Причиной всему Майльс ван ден Стар, но, как верно сказал лейтенант полиции, нельзя арестовать человека, убитого десять лет назад. Обстоятельства его смерти долго мучили память дома, и когда они вырвались наружу, дом не выдержал.

Хотя курок нажала Глория Треймэн, ствол направил в цель сам Стар. Я знал это, потому что сам уже два месяца находился в его шкуре. Я с ужасом думал о том, что могло случиться, если бы у Фэй не хватило благоразумия порвать со мной. Глория Треймэн внушила бы ей, что единственный выход — это убить меня. И страшно подумать, чем бы это кончилось и для меня, и для Фэй.

К огромному удивлению Стамерса, я не расстался с домом 99 по улице Стеллависта. И не только потому, что у меня уже не было средств на покупку нового жилища. Просто искалеченный дом сохранял для меня много таких воспоминаний, с которыми мне было жалко расстаться.

Глория Треймэн еще оставалась здесь, в то время как, по моему твердому убеждению, ван ден Стар покинул его навсегда. Кухня и другие служебные комнаты не пострадали от пожара, да и остальные помещения, несмотря на деформиро-

ванные стены и потолок, были вполне пригодны для жилья. И, кроме того, я нуждался в тишине и покое, а что может быть тише и спокойнее, чем нормальный, не психотропный дом.

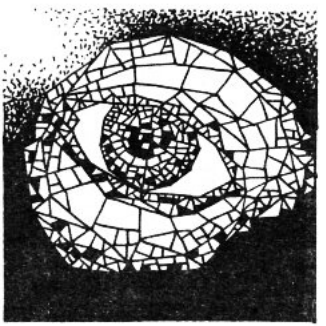
Правда, дом 99 по улице Стеллависта в его нынешнем обличье назвать нормальным можно было лишь с очень большой натяжкой. В его искореженных стенах, выгнутых потолках и коридорах все еще оставалось нечто от того психотропного дома, каким он некогда был в полной мере.

Контрольное устройство цело, и когда-нибудь, в один роковой день, я все-таки включу его. Но одна мысль терзает меня, не давая покоя. А вдруг страшные потрясения, так изуродовавшие внешний вид дома, так же губительно отразились и на Глории Треймэн? Что если искореженные потолки и стены — это отражение ее травмированного, раздробленного сознания? В таком случае дом хранил смертельную опасность и оставаться здесь было бы безрассудным, и все-таки он продолжал привлекать меня своей мрачной тайной, словно загадочная улыбка на прекрасном, отмеченном печатью безумия лице.

Иногда я заглядываю в нишу, открываю щит контрольного устройства и рассматриваю ба-

рабан памяти. Где-то на нем записана Глория такой, какая она есть в действительности. Самое простое — стереть эту запись. Но я ни за что не сделаю этого.

Когда-нибудь, в один прекрасный, а может быть, судный для меня день, я включу этот дом, чего бы мне это ни стоило.



James Graham Ballard. The Thousand Dreams of Stellavista (1962)

Перевод перевод Д. Литинского

В сборнике "Затонувший мир", Н.Новгород: Нижкнига, 1994 г.

Иллюстрации Ю. Лука.

Первая публикация в журнале "Amazing Stories", март 1962.[1]

---

[1] Примечания: 1

Обложка журнала "Amazing Stories" за март 1962 г.

Иллюстрации Вирджила Финлея (Virgil Finlay) к рассказу "Тысяча грез Стеллависты" из этого номера журнала.